

Т. В. ХЛЫБОВА
(Москва)

СВЯТЫЕ МЕСТА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ПИНЕЖЬЯ

Рецензия на: Иванова А. А., Калуцков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии) — М.: ОГИ, 2009. — 512 с.

Фольклорно-этнографический облик одного из самых привлекательных регионов Русского Севера — Пинежья — представлен в многочисленных публикациях хорошо известных научному фольклористическому сообществу авторов А. А. Ивановой, В. Н. Калуцкова, Л. В. Фадеевой, в том числе в книгах «Культурный ландшафт Русского Севера» [Калуцков и др. 1998] и «Светлое Пинежье» [Иванова, Калуцков 2008]. Первая из названных книг появилась благодаря деятельности семинара «Культурный ландшафт», работавшего в стенах Московского университета в 1995—1997 г. Многолетние экспедиционные наблюдения и исследования участников семинара — авторов коллективной монографии — позволили рассмотреть культуру пинежского сообщества, сформировавшуюся как результат его жизнедеятельности в определенных природных условиях, взятую в ее целостности. Концепция культурного ландшафта, разрабатываемая авторами, дала мощный импульс для междисциплинарного, комплексного изучения названного региона — рассмотрения природных, хозяйственных, этнических, конфессиональных, фольклорных, языковых факторов. Исследовательский принцип оказался весьма плодотворным и определил возможность и научного, и популяризаторского подхода к описанию края.

Книга «Светлое Пинежье: путешествие по краю», вышедшая уже вторым изданием, является справочником-путеводителем. Прекрасно изданная, она приглашает читателя познакомиться с землей святого праведного Иоанна Кронштадтского, собирателя русских былин А. Д. Григорьева и их известной исполнительницы М. Д. Кривополеновой, великого русского писате-

ля Федора Абрамова. Она вместе с тем и знак благодарности людям, бескорыстно передававшим собирателям свои знания о крае, о его природе, о жизни и быте, о том таинственном и непостижимом, с чем они сталкивались в течение своей жизни, о реальном и мифическом.

Духовный мир пинежан, взятый в аспекте сакральности, представлен в рецензируемом издании — книге «Святые места в культурном ландшафте Пинежья». Она является продолжением научных исследований, проводимых в рамках концепции культурного ландшафта, углубляя и расширяя одну из разрабатываемых тем — тему народного православия. Авторы скромно определили жанр книги как «материалы и комментарии». Между тем самим материалам — а это 600 фольклорных текстов разной жанровой природы — предпослана обстоятельная исследовательская часть (Раздел I), где дана характеристика Пинежья как историко-культурного региона, рассмотрены особенности статуса святынь в мифопоэтической картине мира пинежан, определено место рассказов о святых местах в фольклорном репертуаре жителей края.

Первое упоминание о поселениях в Пинежье в исторических документах относится к 1137 г. Этнический состав жителей края весьма разнообразен: предки саамов, ненцев, коми, вепсов составили дославянский субстрат, получивший в местной устной традиции наименование *чудь*, — и славяне, переселившиеся сюда с колонизационными потоками из новгородских и ростово-суздальских земель. Пересечение разных культурных традиций во многом определило своеобразие духовного облика пинежан, как он представляется в соответствующих фольклорных текстах.

О взаимоотношениях русских с чудью («финскими племенами») в свое время писал В. О. Ключевский, правда, свои наблюдения и выводы он делал на материалах Поволжского региона. Размышляя, в частности, о взаимодействии поверий, бытующих у представителей этих этнических групп, указывая на «пестроту» их религиозного сознания, исследователь обращает внимание на такое явление, как *двоеверие*. Уточняя термин Феодосия Печерского, предлагавшего обозначить так позицию людей, прославляющих и свою,

и чужую веру, Ключевский говорит о *троверии* — явлении, когда «к христианству прививалось вместе с язычеством русским еще чуждое» [Ключевский 1990, 54].

Поиски термина, как можно более точно обозначающего особенности народного религиозного сознания, породили понятие «народное православие». Оно довольно широко и трактуется порой по-разному, однако прижилось в современном терминологическом тезаурусе и включает в себя как вербальные, часто эстетически оформленные образцы прозы и поэзии — *религиозный фольклор*, так и иные *религиозные институции и религиозные практики* (об этом см.: [Панченко 1998, Панченко 1998 а]).

Феномен народного православия исследуется авторами рецензируемой книги на примере святого места, под которым понимается «пространство, одухотворенное некогда происшедшим здесь чудом» (с. 31). Морфологически это понятие является комплексом, в который авторы включают фрагмент природного ландшафта, сам культовый объект, его имя (топоним/антропоним), разножанровые фольклорные тексты, а также обряды (их вербальную и акциональную составляющую). Исследовательское поле, учитывающее как *вещный*, так и *духовный* уровни, таким образом, довольно велико.

Попытка ввести святое место в структурную модель пинежского селения, предпринятая авторами, как представляется, не совсем успешна. В ней противопоставлены «*обыденное*» (*окультуренное*) пространство и *чуждой, сакральный мир* (с. 26). Сакральный мир в свою очередь делится на две зоны: *нечистое место* и *святое место* (там же). Но святое место — уже *окультуренное* пространство, поскольку здесь возводятся культовый памятник (монастырь, храм, часовня, крест). Посему оппозиция *окультуренное/сакральное* как *освоенное/не освоенное* селенческим сообществом пространство нерелевантна. Думается, для оговоренной авторами оппозиции *окультуренного* и *сакрального* было бы вполне уместно употребить уже устоявшиеся термины *профанное* — *сакральное*.

Противопоставление *природное/культурное*, наряду с оппозицией *неофициальное/официальное*, важно для выделения типологии святынь, которые разделяются

на природные сакральные объекты (рощи, деревья, камни, озера, ручьи, ключи и источники) и культурные сакральные памятники (монастыри, церкви, часовни, кресты). Исследователи отмечают меньшую распространенность природных святынь в культурной традиции Пинеги по сравнению с церковными памятниками и в прошлом, и в настоящее время. Доминирующую позицию, по их наблюдениям, занимают кресты, которые, как и некоторые другие святыни, удалены от селения.

Периферийность положения святынь, как отмечают исследователи, отличает северную традицию от среднерусской. По нашим наблюдениям, и в западнорусских, и в белорусских деревнях крест находится либо на границе поселения, либо в центре культурного ландшафта. В Пружанском р-не Брестской обл. (Беларусь) крест — место, около которого останавливается похоронная процессия по дороге на кладбище. Здесь покойник прощается со своим селом, а не принимающие участие в похоронах жители прощаются с покойным. Для северных крестов такая функция, по видимому, не актуальна, их главное назначение — быть обетной святыней.

Для верного восприятия исследуемого явления важна общая картина религиозности края. Не случайно авторы включили в исследовательскую часть книги сведения о святых Пинежья — Артемии Веркольском, праведной Параскеве Пиренемской, преподобных Сергии Малопинежском и Макарии Красногорском, святом праведном Иоанне Кронштадтском. Многие северные святыни так или иначе связаны с именами этих подвижников веры: в память о них были построены монастыри и церкви, до сего дня даются обеты.

Авторы учли и сложность конфессиональной ситуации в исследуемом регионе, возникшую не только в силу разноэтнического состава населения (это характерно для многих регионов России), но и вследствие существования здесь различных религиозных раскольничьих групп — старообрядцев-поповцев (приемлющих белокриницкую иерархию) и беспоповцев (филипповцев и аароновцев). Хотя сведения о старообрядцах встречаются в текстах («*Раньше здесь несколько вер было. ... Была мирская вера... Еще астрийска была часовня на конце*» [№ 573]; «*Острийска церква* 131

эта была поставлена, где Верка-продавец. Деревянная. Она и теперь там стоит...» [№ 575]), сообщения о них содержат и краткие предисловия к очередному подразделу (см., например, с. 287, 326), однако ни один паспорт текста не содержит сведений о конфессиональной особенности информанта. Остается гадать — либо старообрядчество как явление перестало существовать на Пинеге, либо собиратели не сочли нужным или возможным делать ссылки на принадлежность информанта к той или иной конфессиональной группе.

В разделе, посвященном устным рассказам о святых местах, интерес вызывает структура цикла о святыне, представленная следующими темами-мотивами: 1) описание чуда явления святого или его иконы; 2) подтверждение сакрального статуса святыни — рассказ о ее чудесных свойствах и помощи нуждающимся в ней; 3) попытка разрушения святыни; 4) восстановление святыни. Представленные в сборнике тексты подтверждают справедливость этой схемы.

Основу сборника текстов составили полевые материалы, собранные авторами за период с 1995 по 2004 г. Они дополнены архивными записями кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ (70 текстов).

В предисловии авторы оговаривают организационные основы сборника, учитывающие предыдущий опыт подобных изданий — словарей народной культуры, региональных атласов. Сформулированы и основные принципы работы с полевыми данными: *комплексность, системность, иллюстративность*, а также *пространственный принцип* организации материала.

Реализуя пространственный принцип, авторы в качестве основной территориальной единицы организации материала избрали приход. До революции на Пинеге значилось 23 церковных прихода, собранный полевой материал и сгруппирован в соответствии с ними. Как отмечалось в предисловии, «границы приходов, как правило, совпадали с границами волостей» (с. 13), поэтому никаких неожиданностей для современного читателя, знакомого с *территориальным принципом расположения* текстов, здесь нет. Вместе с тем авторы тактично ввели в научный оборот церковную административную

фику текстов, и их главную тему — рассказ о христианской святыне.

Каждой группе текстов 2-го раздела книги предпослана информация о составе прихода, основных святынях и их истории, даны наиболее важные сведения о том или ином населенном пункте. Избранный принцип позволяет читателю легко ориентироваться в материале, создает иллюзию знакомого места, когда оно упоминается информантом. Представление о нем формируется за счет 17 карт местности, на которых указаны как сохранившиеся, так и руинированные святыни, а также многочисленных фотографий (82 шт.), сопровождающих тексты и иллюстрирующих характерные особенности описываемых святынь.

Сами тексты, как уже отмечалось выше, представлены разными жанрами. Сборник не преследует сугубо филологических целей, хотя и демонстрирует процесс порождения нарративов о святынях. Его задача — рассмотреть особенности мировоззрения носителей традиции. И здесь перед читателем предстает довольно пестрая картина: веры — неверия, почитания — поругания святынь, уважения к священникам и монахам — иронии и насмешки над ними. «*Церковь хуже коммунистов: отбирали пожни, поля*» [№ 436]; «*Худых-то людей всегда хватает. Напали на церковь Христову, как воронята...*» [№ 458]; «*...В храме запомнились деревянные скульптуры — ангелы. Учился в школе на Красной горе — бросали камнями в них*» [№ 10]; «*Дедушка мне рассказывал, что помогли эти иконы чудотворные... Он был сильно верующий. Он и меня научил верить в Бога*» [№ 12]; «*Бог видит, кто кого обидит. Он мне поможет*» [№ 328]; «*Бог накажет. Бог во всем накажет. А соседку наказал Бог*» [№ 323]; «*Монахи своим трудом жили. У них коровы были, скот, земля ... Нет. Он не очень богатый [монастырь — Соб.]. Такой скромный...*» [№ 9]; «*Такие монахи были: в кузовах к себе баб носили*» [№ 437]; «*Вся Летопапа родилась от монахов*» [№ 438]; «*Тетка наша у них в монастыре жила. "Ой, говорит, — что они там вытворяли! Теперь никакому Богу не верю..."*» [№ 514]; «*Дак последних монашек мне пришлось провожать в 1941 году ... Они вроде как арестованы... Такие мастерицы! Все были заняты делом ... Они такие работяги были!...*» [№ 521].

Разнообразны и просьбы, с которыми люди обращаются к обетным святыням.

Оппозиция *неофициальное/официальное* в отношении святынь проявляется в текстах по-разному. Так, в реплике *«По-нашему ходят с этой стороны [по солнцу. — Соб.], по-церковному ходят так — против солнца»* [№ 227] противопоставление своего и чужого очевидно. Информанты отмечают, что обетные кресты — артефакт, занимающий в списке святынь срединное положение (см. рис. 5 на с. 36), — возводились в тех местах, где не было церкви или монастыря (См.: [№ 451]). Крест в культуре пинежан выполнял функцию и церковной, и народной святыни. Отношение к нему выдает суеверные воззрения носителей религиозного сознания, граничащие с фетишизмом. Так, о кресте говорят: *«Очень сердитый и серьезный ...»* [№ 64]; с ним разговаривают [№ 293]; его боятся: *«У нас пугало. Иди в Лавелу, крест стоял: пугало»* [№ 461]; *«У креста есть хозяин. И он вам покою не даст. Будет ночью ходить и говорить»* [№ 283] и др.

Дополнением к рассказам о святынях жителей края служат выдержки из документов Государственного архива Архангельской области и музея Иоанна Кронштадтского, фрагменты издававшихся ранее материалов, которые составили 3-й раздел книги. Читатель, не искушенный в административном и церковном делопроизводстве, обратит внимание и на скрупулезность сведений о времени постройки, реставрации, разрушения святынь, и на многочисленные цифры, обозначающие как соответствующие даты, так и размеры того или иного сооружения, и на обязательную бухгалтерию — подсчет средств, которые шли на его создание и ремонт. Документальные свидетельства делают картину состояния культовых памятников и отношения к ним пинежан еще более выразительной.

В Приложении помещен уже ставший традиционным для сборников фольклорных текстов «Указатель мотивов устных рассказов о святых местах», который не только поможет в оперативном извлечении сведений из данной книги, но послужит прообразом для составления указателей по другим традициям. В Указателе есть некоторые накладки: в пункте г), посвященном ритуалу, текст № 318 значится и как коллективный обет с целью

оберега урожая, и как индивидуальный (с. 465). Первое, конечно, не исключает второго, но в этом случае и иные тексты с коллективными обращениями можно рассматривать как индивидуальные. Коль скоро в пункте е) существует мотив «расправа со священнослужителями/монахами», возможно, стоило бы выделить отдельным пунктом мотив «отношение к священнослужителям/монахам».

В Приложение вынесены и некоторые карты, сопровождаемые списком обозначенных на них монастырей, церквей, часовен, крестов и природных святынь. Они дополняют зримую картину культовых сооружений края новыми сведениями. В отношении карт можно отметить некоторые упущения. На рис. 11 (с. 198) — карте святых мест Среднего Пинежья — не помечена Никольская церковь, о которой сообщается в текстах и описании деревни Кобелево. Георгиевская (в тексте) церковь на карте значится как Егорьевская. Вообще, номинация культовых сооружений в сборнике выдержана непоследовательно — с опорой то на народную традицию, то на официальную церковную.

Любовь авторов книги к Пинеге, их глубокое знание края не вызывают сомнения. Но, как часто бывает в подобных случаях, являются источником некоторых упущений. Это настолько знакомая и понятная исследователям зона, что они порой забывают о потенциальном читателе, а для него описываемая местность — часто terra incognita, которую он впервые для себя открывает, поэтому стоило повторить уже оговоренное авторами ранее. Так, имело смысл пояснить термины своеобразной ландшафтной индикации края (*околок, наволок, новина, угор, выселки*), либо сославшись на предшествующие работы [Например, Калуцков и др. 1998, 21—32], либо расшифровав их в словаре, который дан в конце сборника.

В некоторых случаях, по-видимому, нужны комментарии и к «темным местам» текстов: *«Там часовня была и крест был... Кто обещается, ездят: у кого рука болит, руку, у кого нога, ногу возили. Там ставили. Там оветишься и пойдешь, купишь ручку или ножку купишь* (выделено мной. — Т. Х.) и ставишь Николе и Богородице (кому оветишься)» [№ 99]; *«Зачикировали, чикером* (выделено мной. — Т. Х.) председатель Василий Павлович» [№ 323]; *«Они* 133

хоронили его портрет на потолке, в песку (выделено мной. — Т. Х.).»

Не всегда ясны и авторские ремарки. Так, сообщается, что «службы в часовне совершались по большим праздникам (престолам, канунам)...» (с. 165). Пожалуй, стоило разъяснить, что в пинежской традиции именуется *кануном* и почему это большой праздник. На с. 235 читаем: «Несколько лет назад Веркольский монастырь открыл в райцентре свое подворье — моленный дом». Моленный дом — название помещения для молитв, распространенное в сектантской или даже нехристианской среде (См.: [СРЯ II, 289]). В каком значении это слово существует в Верколе в среде православных христиан? Или перед нами пример авторской неточности в обозначении?

Вовсе не хотелось бы заканчивать рецензию указанием на недостатки книги, тем более что они, казалось бы, столь несущественны на фоне проделанной авторским коллективом огромной собирательской и исследовательской работы. Однако именно уважение к авторам побуждает обратить внимание на досадные издательские — редакторские и корректорские — недоработки, которые отнюдь не украшают книгу. Думается, 10-летний труд коллектива фольклористов по сборанию, систематизации и изучению столь непростого материала в таком далеком от столиц краю заслуживал большего внимания и сосредоточенности сотрудников издательства ОГИ.

Книга «Святые места в культурном ландшафте Пинежья», изданная тиражом 900 экземпляров, безусловно, уже нашла своего читателя. Он будет благодарен авторам и за сами тексты о святынях северного края, и за продуктивные методологические принципы их исследования, и за композиционные находки в представлении материала, и за основательный научный аппарат книги, включающий указатель мотивов, списки карт, иллюстраций, самих исследуемых святынь, населенных пунктов по приходам. Источником вдохновения для самостоятельных исследований читателя и опорой на этом пути будет и составленный авторами список литературы, представленной в разделах «Общие вопросы» («История и культура Русского Севера», «Почитание местных святынь в контексте традиций народного

православия», «Устная религиозная проза; сюжеты, жанры, специфика бытования», «Полевые программы и вопросы», «Святые места и памятники Пинежья», «Святые Пинежья».

Один из основоположников русской филологии И. И. Срезневский писал: «... главный долг народной науки — исследовать свой народ, его народность, его прошедшее и настоящее, его силы физические и нравственные, его значение и назначение. Народная наука в этом смысле есть исповедь разума народа перед самим собою и перед целым светом» [Срезневский 1959, 16]. Исследования в области народного мировоззрения — важнейшее направление русских народоведческих наук. Вышедшая книга существенным образом дополняет сведения о нем и успешно продолжает сложившуюся научную традицию.

Литература

Иванова, Калуцков 2008 — *Иванова А. А., Калуцков В. Н.* Светлое Пинежье: путешествие по краю: справочник-путеводитель. 2-е изд. (расширенное и дополненное). Архангельск, 2008.

Калуцков и др. 1998 — *Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А.* Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998.

Ключевский 1990 — *Ключевский В. О.* Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья ... Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса // Исторические портреты. Деятели исторической мысли / сост., вступ. ст. и прим. В. А. Александрова. М., 1990. С. 40—62.

Панченко 1998 — *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Панченко 1998а — *Панченко А. А.* Религиозные практики и антропология религиозности // Антропология религиозности. (Альманах «Канун». Вып. 4). СПб., 1998. С. 5—14.

Срезневский 1959 — *Срезневский И. И.* Мысли об истории языка. М., 1959.

СРЯ — *Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т русс. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. Т. 2. М., 1982.*